

что преступникъ выйдетъ изъ тюрьмы съ большимъ уваженіемъ къ людямъ, чѣмъ вошелъ туда? Не сдѣлается ли скорѣе его нравъ еще болѣе свирѣпымъ, чѣмъ былъ прежде? И можно ли считать мѣры такого рода направленными къ безопасности общества?

Наши уголовные законы могутъ преслѣдовать только одну законную цѣль: исправленіе людей. Преступленіе, если только оно не является слѣдствіемъ болѣзни, всегда совершается вслѣдствіе недостатка любви, и исправительная дѣятельность какого бы то ни было рода можетъ быть направлена только къ тому, чтобы заронить хоть искру любви въ человѣческую душу. Кажется, ясно, насколько наши тюрьмы далеки отъ такой цѣли. Что же касается смертной казни, то она является прямымъ уклоненіемъ отъ нашего долга. «Какое мы имѣемъ право,—спрашивалъ кто-то,—дѣлать изъ того свѣта мѣсто ссылки важнѣйшихъ уголовныхъ преступниковъ и отсылать ихъ туда, не сообразуясь съ желаніями его обитателей?»

Сидѣлки въ больницахъ оказываютъ предпочтеніе самымъ безнадежнымъ больнымъ; также и настоящій судья долженъ стремиться къ тому, чтобы оказывать спасительное вліяніе даже при самыхъ выдающихся, самыхъ интересныхъ случаяхъ преступности. Неужели нельзя сдѣлать чего-либо лучшаго, чѣмъ просто повѣсить преступника?

Достигнемъ ли мы когда-нибудь такого пониманія полицейской власти правительства,—а общество, повидимому, уже идетъ къ этой цѣли,—или не достигнемъ, во всякомъ случаѣ пріятно будетъ притти къ сознанію, что мы обязаны нашей безопасностью не висѣлицамъ и тюрьмамъ, не трусости и страху передъ ними, а, главнымъ образомъ, естественной добротѣ нашихъ ближнихъ; уже одно это сознаніе можетъ дать счастье человѣку.

Конечно, научное и гуманное отношеніе къ преступленію и наказанію можетъ установиться очень и очень не скоро. Въ Бирмѣ на наказаніе смотрятъ какъ на искупленіе вины,